УДК 398.21
ББК: Т 52(25) – 514

Л. Ц. Малзурова
кандидат филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ, Россия),
e-mail: Lubov-malzurov@mail.ru

Функции бурятских легенд и преданий

В статье определяются функции бурятских легенд и преданий. Оба жанра выполняют информативную функцию, которая осуществляется в процессе коммуникативного акта через передачу информации в непосредственном общении рассказчика и слушателя. Легенда чаще информирует о событиях сакрального характера, а предание связано с мирской жизнью. Легенде присуща дидактическая функция, выражающаяся в предостережении от поступков, выходящих за рамки общепринятой народом нормы. Перформативная функция легенды заключена в такой направленности, как «конструирование реальности», что означает: легенда, отражая действительность, не остаётся равнодушной к ней, она её домысливает, проводит различные операции с целью убедить слушателя в правдивости рассказываемого. Данные функции легенд и преданий становятся жанроопределяющими признаками.

Ключевые слова: функция, рассказчик, коммуникация, информация, чудо, событие.

L. Ts. Malzurova
Candidate of Philology, associate professor,
Buryat State University (Ulan-Ude, Russia),
e-mail: Lubov-malzurov@mail.ru

Functions of Buryat Legends and Traditions

The article defines the functions of Buryat legends and traditions. Both genres perform an informative function which is carried out during the act of communication through information transfer in direct dialogue between the story-teller and the listener. Legends often inform of the events of sacred character, traditions are connected with the worldly life. Legends perform a didactic function expressed in the caution from the acts that go beyond the generally accepted norms of the people. The performative function of the legend is connected with “reality designing”, i.e. the legend, reflecting the reality, doesn’t remain indifferent to it; the legend invents it, carries out various operations in order to convince the listener of the truth telling. These functions of legends and traditions become genre-defining signs.

Keywords: function, narrator, communication, information, miracle, event.

Как известно, одним из жанровых признаков легенд и преданий считается выполняемая ими функция. Необходимым условием формирования жанра В. П. Аникин считает «осознание общей целевой установки, существующей у произведений сходного типа...» [1, с. 103].

Путилов к жанрообразующим признакам относит содержание, поэтику, бытовое назначение (функциональные связи), формы исполнения, музыкальный строй и связи с другими видами искусства [9, с. 172].

Важным для изучения функциональных назначений легенд и преданий видится вывод К. В. Чистова о том, что в рассматриваемых произведениях «преобладает информационная функция; вымысел имеет не нарочитый и эстетический, а бессознательно-коллективный характер» [11, с. 25].

По К. В. Чистову: «<…> функция предопределяет выбор тематики, круг идей и вслед за этим тип героев, принципы построения сюжета, отбора и сочетания определённых художественных средств и т. п.» [12, с. 48]. Исходя из данной позиции, учёный констатирует разделение устных народных произведений на группы с «отчётливо выраженной эстетической функцией» и с «внеэстетической функцией». Легенды и предания, которые не воспринимают как художественные ни сами рассказчики, ни слушатели, относятся к прозаическим произведениям последней группы.

Рассматривая фольклорный текст под коммуникативным углом зрения, К. В. Чистов расширил понятие «коммуникативный акт», включая в данный процесс и коммуникативные ожидания:

© Малзурова Л. Ц., 2012

«…жанр – это не только определённые правила запоминания и воспроизведения текста, но и не менее определённые коммуникативные ожидания и готовность понять текст в соответствии с этими ожиданиями» [13, с. 161].

Коммуникативный процесс передачи информации рассказчиком слушателю будет эффективным в случае, если он удовлетворяет взаимные запросы: исполнитель ищет в собеседнике среду, готовую понять, воспринять в нужном русле передаваемую информацию, а слушатель настраивает себя на получение ожидаемой информации.

Бытование легенд и преданий напрямую связано с коммуникативным актом, что подразумевает передачу информации в непосредственном общении рассказчика и слушателя. К верному замечанию И. А. Голованова: «Коммуникативная значимость легенд связана с передачей в них сакральной информации» [3, с. 22] – следует добавить: информация зачастую бывает связана с религиозными сюжетами. Поэтому всё сообщаемое легендой принимается аудиторией на уровне святости, непререкаемости, неоспоримости, поскольку издревле связано с богом и является непреходящей ценностью. Так, осуществляется процесс доказывания достоверности излагаемого в легенде. При этом в большинстве легенд превалирует присутствие чудесного, сверхъестественного, не умаляющего достоверное. Это связано с явлениями, действиями, совершаемыми религиозными, культовыми деятелями.

И. А. Голованов отмечает о коммуникативной функции преданий следующее, хотя, на наш взгляд, сказанное в полной мере может быть отнесено и к легендам: «Важнейшая коммуникативная функция преданий – удовлетворять познавательные потребности человека. Предания воспроизводятся при трансляции информации от поколения к поколению, от местного жителя к приезжему или в коммуникации местных жителей, когда требуется дать уточнение, продемонстрировать осведомлённость в знании каких-либо фактов местной истории» [3, с. 23].

Важность информативной функции подчёркивает и Э. В. Померанцева: «В несказочной прозе, независимо от того, имеет ли рассказ дидактический, морализующий, патриотический характер, приоритет имеет познавательный момент. Это прежде всего сообщение, т. е. семантическая информация» [7, с. 76].

Народное повествование, будь то легенда или предание, в основе своей несёт информацию, легенда чаще информирует о событиях сакрального характера, а предание связано с мирской жизнью. Поскольку бытование данных жанров напрямую связано с коммуникативным процессом, огромная роль в определении функции жанров принадлежит рассказчику. В силу предпочтения эстетической функции повествования он может делать основной упор именно на неё, отодвигая на задний план функцию информативную. В случае важности информации о событии ли, местности ли, об исторических ли лицах рассказчик отдаёт предпочтение информативной функции. При этом немаловажную роль в акцентировании внимания слушателей на той или иной функции играют также средства передачи информации, умение пользоваться «средствами жеста, мимики, интонации» [7, с. 77], мастерство рассказчика, жизненный опыт. Функция фольклорного произведения может зависеть и «от местной традиции, от индивидуальной трактовки сюжета рассказчиком, от характера воспринимающей среды» [7, с. 78].

Анализ бурятских легенд и преданий позволяет утверждать, что в данных повествованиях чаще встречается информация об истории села, местности, региона, т. е. местного характера, история генеалогического характера: о происхождении родов, племен, информация, содержащая объяснение образования тех или иных местностей, гор, рек, сел. Н. А. Криничная отмечает: «Функциональным назначением интересующего нас жанра является повествование о событиях и героях «малой» истории, независимо от значимости, которую они имеют с самого начала или приобретают с течением времени» [4, с. 10].

По всей обширной территории Бурятии бытуют местные легенды, предания о людях, запомнившихся народу своими деяниями, борцах, ставших известными своей силой. Так, легенда о Мочи распространена в Джиде: *Мочи гэжэ нэрэтэй, бэе ехэ томотой, хусэ шадал ехэтэй баатар хүн Цагаатайн намагта 1800 оной эхеэр ажаһуудаг байгаа. Тэрэнэй ажалша гээшэнь аргагүй. Мочи ганса моритой хүн байжа, нэгэтэ тэрэнээ тэргэдэ хуллэжэ, түлеэндэ гараба. Ой ошожо, морёо модонһоо уяад, өөрөө- бэеэрээ түлеэ шэрэжэ асараад, тэргэдээ ашажа, гэр тээшээ бусажа ябахадань, мориниинь эсэжэ, тэргэтэй ашаагаа даахаяа болиходонь, Мочи сухалдажа, морео гараараа хабиргыень ёбороод абахадань, моринойнь арһан илзаржа, шалбаршаба. Тиихэдэнь Мочи: «Э-э, энэм иихэдээ үхэшөө ха юм», – гээд, морёо мулталжа, тэргынгээ хойноһоо уяад, өөрөө тэргэдээ*

орожо,зүдхэжэ, түлеэгээ гэртээ асарһан юм гэлсэдэг [6] (В начале 1800 г. в селе Цагатуй жил Мочи, человек крупного телосложения, огромной силы, трудолюбивый. Имел единственную лошадь. Однажды он отправился в лес за дровами на своей лошади. Привязав лошадь к дереву, Мочи начал грузить дрова на телегу. На обратном пути Мочи, увидев, как лошадь еле передвигает ногами под тяжестью груза, распряг её, а сам встал на её место. Так и привез телегу с дровами).

В предании подчёркивается трудолюбие Мочи, его отношение к единственному помощнику – коню и проявленное милосердие – впрягшись вместо коня, Мочи доставляет домой телегу с дровами. Здесь проявилась и сила его, во много раз превосходившая лошадиную силу, и человеческое сострадание к животному.

В повествовании время выступает предельно сжатым, так как повествуется об одном событии. И это событие отражает местную историю. В произведении точно указано время, место события: 1800 год, село Цагатуй.

«Предание как целостное фольклорное произведение локализовано в определённых временных рамках и пространственных границах. Здесь мы имеем дело с прозаическим повествованием, созданным по горячим следам какого-либо события и имеющего целью сообщить нечто интересное о достоверном историческом факте» [10, с. 16].

Даже если повествование информационного характера, оно не лишено эстетической направленности, а произведение с явно выраженной эстетической функцией в основе своей имеет информацию о чем-то. В силу этого необходимо отметить, что в повествовании обязательно доминирует одна из функций, которая позволяет причислять произведение к тому или иному жанру. «Доминантная функция, определяющая структуру произведения, является наиболее достоверным признаком рода устной прозы. В зависимости от неё сообщения, совпадающие по сюжету, могут относиться к разным жанрам и даже родам прозы. Естественно, что окончательная классификация конкретных произведений устной прозы может быть проведена лишь на основании учёта совокупности признаков» [7, с. 81].

Э. В. Померанцева, конкретизируя выполнение легендами и преданиями определённых функций, обозначила следующее: «Предание стремится прежде всего сообщить факт, его основная функция познавательная. Особенность эта явно выступает в историческом предании, но заметна и в этимологических и других его видах. Легенда же, сообщая необыкновенный факт, стремится поучать, идеализируя своих героев, призывая подражать им, она утверждает их святость, подвижничество или героизм. Основная её функция – дидактическая» [8, с. 173].

Учёным отмечено, что каждый из этих жанров имеет свой круг тем, сюжетов, свою систему образов, но их объединяет установка на правду, независимо от характера их содержания.

Выполнение легендой дидактической функции чётко прослеживается на примере легенды о Борискином озере, содержание которого приведено Л. Е. Элиасовым в книге «Байкальские легенды и предания»: «Тут, недалеко от Кырена, есть одно озеро, которое зовется Борискиным. Название этого озера произошло так: жил тут давным-давно один бурят по имени Бориска. Характер у него был неуживчивый, не мог он жить ни с русскими, ни с бурятами. Вот всю жизнь кочевал он из деревни в улус, из улуса – снова в деревню. Пока был молодой, всё ещё шло ладно, но под старость он совсем разорился и стал нищим. Надоело ему, видать, шляться, вот он и решил поселиться около озера. Одному человеку житье худое. Пожил Бориска около озера немного и умер. Тут же его похоронили, а озеро Борискиным назвали. И теперь ещё старые люди говорят: если с народом жить не можешь, то кочуй на Борискино озеро, там тебе без людей и жизнь недолга» [2, с. 98].

Данная легенда равно популярна среди бурятского и русского народа, населяющего ныне Тункинский район Республики Бурятия, благодаря выполнению дидактической функции, которая заключена в предостережении человека от подобного Борискиному поведения по отношению к людям. Принятая в народе норма взаимоотношений не допускает пренебрежения к другим, исключения взаимозависимости друг от друга в условиях совместного проживания. В основу данного повествования положена поучительность одинокого прозябания Бориски, и не исключительность данного поведения, а типичность исхода подобного случая определяет актуальность произведения, становится одним из условий активного бытования его в современной среде жителей Тунки.

А. П. Липатова, исследовавшая механизмы текстообразования местных легенд, определила функцию легенды как перформативную. К выводу о перформативности функции легенды А. П. Липатова приходит в результате рассмотрения учения о речевых актах, которое осно-

вывается на замечании Джона Остина по поводу особого рода высказываний: «перформативах», представляющих собой соотношение: «произнесённое высказывание и есть произведенное действие». Исследователь проецирует данное положение на сферу фольклористики: ввиду сложившегося мнения о том, что все повествования что-то «утверждают» или «описывают», им приписывалась информативная функция. Данное положение претерпевает изменения в виду обнаружения и третьего варианта: «конструирование реальности», что означает: легенда, отражая действительность, не остаётся равнодушной к ней, она её домысливает, проводит различные операции с целью убедить слушателя в правдивости рассказываемого. Поскольку повествуемое в легенде «невероятно», но происходило на самом деле, мы согласны с позицией А. П. Липатовой, считающей: «С одной стороны, легенда – это то, во что верят. С другой стороны, легенда сродни слуху, сплетне, выдумке» [5, с. 69].

Легенда в первую очередь информирует слушателя о событиях, явлениях, происшествиях, глубоко запомнившихся народу, сыгравших определённую роль в истории, также поучает, как не надо или надо поступать, предостерегает от опрометчивых поступков.

«Легенда находится в сложных взаимоотношениях с реальностью – она оказывает определённое давление на неё: она её достраивает <…>, преобразует, трансформирует. Функция “конструирования реальности” (или, как назвал К. В. Чистов, социально-утопическая функция) – специфическая функция легенды. Данная особенность выделяет легенду из ряда других разновидностей фольклорной прозы» – отмечает А. П. Липатова [5, с. 77].

Утрату легендой перформативной функции и переход произведения из статуса легенды в статус предания отмечаем на примере повествований о Шумакских источниках. Рассказ об открытии Шумакских источников имеет множество вариантов. Лечебные свойства Шумакских источников настолько эффективны, что больные и немощные обретают здоровье. По одному из них, знаменитые источники были открыты охотником по имени Шумак. Он ранил на охоте оленя и начал преследовать. После продолжительного преследования охотник увидел, как раненое животное, повалявшись в грязи, уже исцелённое, выходит оттуда. Это место заинтересовало Шумака, он исследовал его вдоль и поперёк и убедился в целебности вод. Так были открыты знаменитые источники Шумак.

Другой вариант повествует об охотнике из племени сойот, который, преследуя раненого оленя, настигает его в узкой горной долине. Охотника, ожидавшего увидеть обессиленное животное, поразил вид здорового, исцелённого оленя, поднимающегося из грязи. Он заинтересовался свойствами грязи, впоследствии и источниками, расположенными поблизости [15, с. 20].

Изначально рассказ этот был легендой, основу которой составляло «чудо» – открытие никем ранее не замечаемого свойства родника, впоследствии, утратив «перформативную» функцию, превратился в предание. Событие, описываемое в обоих вариантах, расценивается как «невероятное, случайное, фантастическое». Случай исцеления раненого животного вызвал удивление первооткрывателей, возможность выздоровления допускалась, но казалась невероятной за столь короткий промежуток времени и на глазах изумлённого преследователя. Таким образом, событие, описываемое в данных вариантах одной легенды, расценивается как не типичное, выходящее за рамки норм объяснения природных явлений. Тайна причины произошедшего кроется в обоих случаях в чудодейственных свойствах источника.

Основное содержание рассказа не потеряло актуальности, но, перестав быть событием, данное открытие – «чудо», «невероятность», «фантастика» – превращается в «историю», и повествование переходит из легенды в предание. Молва о чудодейственном источнике рождает всё новые легенды о действии целебной силы данного объекта. Легенда, поскольку ей присуща функция воздействия на реальность, т. е., по Липатовой, «конструирование реальности», с помощью изустной передачи слушателям информации о чудесных исцелениях от различных недугов, привлекает множество жаждущих выздоровления.

Новые легенды рождаются по горячим следам случаев выздоровления, согласно характеристике К. В. Чистова: «социально-утопические легенды не только предсказывают будущее, но и призывают к действию. Отсюда – особо активная связь с социальной действительностью» [14, с. 336], в силу имеющегося потенциала воздействия на действительность, «призывают к действию», т. е. заинтересовывают народ в лечении от болезней с помощью целебного источника Шумак, пропагандируют его лечебные свойства.

Пример превращения легенды о Шумакских источниках в предание доказывает ещё и верность понятия о функции, как «категории видоизменяющейся, постоянно варьирующейся» [7, с. 81]. В данном случае информация о «чуде», которое изначально составляло основу рассказа, и в силу того, что различными путями и средствами пыталось быть объясненным, постепенно потеряла актуальность, хотя популярность самого явления «чуда» ещё сохраняется. С потерей актуальности доминирующая в легенде перформативная функция уступает место информативной функции, которая заключается в констатации факта лечебных свойств Шумакских источников. Так, обеспечивается изменение модальности невероятности (невероятно, но люди исцелились, благодаря чудодейственным силам источника), присущей легенде, на модальность вероятности (целебность источника подтверждается выздоровлением множества людей от различных недугов), которая характерна преданию.

Итак, бурятские легенды и предания объединяет выполнение информативной функции; легендам же, кроме информативной, присуща дидактическая и перформативная функция, которая является одним из жанроопределяющих признаков. Функциональное назначение данных повествований обеспечивается через коммуникативный акт, в который вовлекается рассказчик и аудитория слушателей.

Список литературы

1. Аникин В. П. Теория фольклора : курс лекций. 2-е изд., доп. М. : КДУ, 2004. 432 с.
2. Борискино озеро // Байкальские легенды и предания. Фольклорные записи, предисл., коммент. Л. Е. Элиасова. 2-е доп. и перераб. изд. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1984. 256 с.
3. Голованов И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.) : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2010. 25 с.
4. Криничная Н. А. О жанровой специфике русской народной исторической прозы и проблемах её изучения // Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры. Л. : Наука, 1987. 227 с.
5. Липатова А. П. Местные легенды: механизмы текстообразования : дис. … канд. филол. наук. Ульяновск, 2008. 280 с.
6. Мочи. (Записано от Н. Ц. Балдановой, 1954 г. р. , жителя с. Цагатуй Джидинского района Республики Бурятия, 2000. Архив Л. Ц. Малзуровой).
7. Померанцева Э. В. Соотношение эстетической и информационной функции в разных жанрах устной прозы // Проблемы фольклора. М. : Наука, 1975. 229 с.
8. Померанцева Э. В. Устная несказочная проза. Рассказы о мифических существах и их жанровые особенности // Русская устная проза. М. : Просвещение, 1985. 381 с.
9. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. In memoriam Б. Н. Путилов; Рос. акад. наук. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб. : Петерб. Востоковедение, 2003. 457 с.
10. Тулохонов М. И. Бурятские исторические предания // Поэтика жанров бурятского фольклора. Улан-Удэ, 1982. 109 с.
11. Чистов К. В. Прозаические жанры в системе фольклора // Прозаические жанры в системе фольклора народов СССР. Минск, 1974. 223 с.
12. Чистов К. В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы // Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция : сб. ст. М. : ОГИ, 2005. 272 с.
13. Чистов К. В. Поэтика славянского фольклорного текста. Коммуникативный аспект // Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция : сб. ст. М. : ОГИ, 2005. 272 с.
14. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М. : Наука, 1967. 341 с.
15. Шумак – источник жизни / сост. : Л. Т. Санданова. Улан-Удэ, 1999. 45 с.

Статья поступила в редакцию 22 октября 2011 г.